

Н. П. Вагнер

Телепень

I

В старое время жили-были в землях оренбургских помещик и помещица: Ипат Исаич и Марфа Парфеновна Туготыпкины.

У Ипата Исаича было трое крепостных: мужик Гавлий, кучер Мамонт и лакей Гаврюшка. У Марфы Парфеновны была одна крепостная душа, кухарка Эпихария, или просто Эпихашка. Было у них прежде у каждого по двадцати душ, но эти души оттягал у них вместе с землицей сосед их, богатый помещик Иван Иванович Травников.

Прежде, еще не так давно, Туготыпкин и Травников жили душа в душу, были друзьями-соседами, да поссорились, и вот из-за чего.

Вся беда началась из-за барана. У Ипата Исаича было голов сорок овец, и овцы были наполовину русские, наполовину киргизские, с курдюками. И в особенности вышел на диво у него один баран - чернохвостый, морда губастая, рога в два заворота, шерсть косматая, кудря - до шкуры не доберешься.

А на ту беду как раз Иван Иваныч добыл курдюковых овец. Пристал он к Ипату Исаичу:

- Друг сердечный! Ипатушка! Продай барашка мне.

- Друг любезный, Иванушка-свет, подарил бы тебе, да самому мне надобен баран. Погоди: осень придет, подарю я барашка тебе, какого душа изволит.

Но был Иван Иванович с гонором и с норовом. На соседушку смотрел свысока. "Я, мол-ста, чуть не бригадир, а ты, мол-ста, кто такое?.. Голопух! - Тебе для такого друга и барана жаль отдать. Подавись, мол, им. Щучья душа!"

- Нет, говорит, коли теперь барана не продашь, так мне и не надо-ти. Замолк и пожевал губами, а это уж самый дурной знак был у него. Если он губами пожует, то, значит, он крепко в обиду вошел.

Был Иван Иванович вдовец. Жену любил крепко и схоронил молодую. Оставила она ему девочку лет пяти, и этой девочкой он жил и дышал, но и она через два года померла. Остался Иван Иваныч бобылем круглым и с горя сделался сутягой и кляузником. Тяжб у него была гибель, со всеми соседями - и ближними, и дальними. И разоренье от этих тяжб всем было немалое.

У Ипата Исаича и Марфы Парфеновны детки не жили. Только одна и выжила дочка Нюша. Шестой годок ей шел. Живая, бойкая, Юла Ипатовна - утешение старичкам на старости. Кроме крепостных душ жила у них и вольная душа, только башкирская. Надо сказать, что земля Ипат Исаича к башкирским землям подошла. И башкиры частенько к бабьке Пат-Саичу приходили в своих нуждах жалиться.

Один раз, в морозный, крещенский вечер: стук! стук! стук! в оконце. Отворила оконце с молитвой Эпихария:

- Кто, мол, тут такой?

Вошли два башкира. Совсем обмерзли. Малахаи заиндевели. Армяки закуржевели. Старший Бахрай привел брата своего Тюляй-Тюльпеня.

Повалился в ноги Бахрай и брат туда же за ним.

- Сделай милость! - плачется слезно. - Добра чиловек! Пат-Саич! возьми брат мой. Совсем возьми... в батрак возьми... Землю нет... Верблюда нет... Ашать нечего... Юрта нет... Баран нет... Жена нет... девать куда нет... Сделай милость бери... Пожалиста, бери!.. - И плачет Бахрай - разливается.

Посмотрел Ипат Исаич на Тюляй-Тюльпеня и видит - он башкир здоровенный, в плечах кося сажень.

"Куда, мол, я его дену?"

А Марфа Парфеновна шепчет ему: Возьми, авось не объест. Все при доме лишний человек будет...

- А что ты умеешь? - допрашивает Ипат Исаич.

- Все умешь... Кумыс делать умешь... Шашлык стряпать умешь.

- А пахать умешь? - спрашивает Тюляй-Тюльпентя.
- Лядна! Лядна!.. ашать умешь.
- Коней пасти умешь?
- Лядна! лядна. Коней ашать умешь...
- Рубить дрова умешь?
- Лядна! лядна!.. дрова курить умешь.
- Ну! лядна!.. - говорит Ипат Исаич. - Поживешь, посмотрим. Авось что-нибудь и увидим.

Оставайся, батрак будешь.

И остался Тюляй-Тюльпень. Только сперва Эпихашка, затем Гавлий, кучер Мамон и лакей Гаврюшка, и все назвали его просто Телепнем. "Так, говорят, складней, да короче будет!" И стал жить Телепень у Ипата Исаича.

II

Сперва, как взяли Телепня, так Эпихашка принялась было его обрабатывать. Поднимет его ни свет, ни заря и заставит печку топить, и Телепень добросовестно натолкает дров, так что всю печку до верху битком набьет. Просто крысе повернуться негде. Придет Эпихашка, всплеснет руками. Давай ругать Телепня на чем свет стоит.

А он слушает, ухмыляется, головой кивает и только приговаривает:

- Лядна! Лядна!

Раз он Эпихашку совсем огорчил.

После обеда, на масляной, вздумала она попраздничать, а Телепня заставила посуду убирать. Принялся он, как всегда, с усердием, так что все чашки, горшки, ложки и плошки и пицат, и трещат.

Отлучилась Эпихашка за малым делом на полминутки. Прибежала, заглянула, руками всплеснула, ахнула.

Расставил Телепень все чашки, тарелки чинно рядом на полу, а Кидай и Ругай - два пса здоровенных, волкодавы - все это взапуски лижут; а Телепень смотрит, руки в боки, и любит.

- Батюшки мои! Что ты делаешь, окаянный!

- Не замай!.. Лядна... Она лишет... чисто трет... А-яй! Больно хороша будет...

Завыла Эпихашка, побежала к Марфе Парфеновне, в ножки кинулась.

- Матушка барыня!.. Всю посуду нехристь опоганил... Всю псам дал вылизывать.

И пошел дым коромыслом. Накинулись все на Телепня: зачем посуду перепортил?!

А чем Телепень виноват?

- У нас, говорит, добра чиловек... всегда так живет... собакам даем... собака его лижет... языком трет... А-яй чиста бывает!..

Вот и толкуй с ним.

И сколько было с ним проказ, что и в год не расскажешь. Один только мужик Гавлий стоял за Телепня горой, из уважения к силище его необычайной, да из-за любви его к коням.

- Ты, - говорит Гавлий, - животину уважь! Она тебе больше, чем человек, надо будет. А Телепень любил "животину". С лошадьми и спал в хлевушке. Встанет чем свет. Уж он чистит, чистит, так что несчастную лошадь точно ветром качает, до десятого поту прошибет. И в особенности любимый конь у Телепня был Гнедко. С Гнедком он постоянно беседовал побашкирски, иной раз даже до слез договорится. Говорит, говорит и расплачется. А не то, так песню ему башкирскую споет. Уж он тянет, тянет, - так жалобно, что даже мужик Гавлий слушает, слушает и, наконец, плюнет с досады.

- Ишь, поди ты! - скажет, - ажно нутро все вынудил!.. В первую весну, как стал жить Телепень у Ипата Исаича, то послали его в поле пар пахать на Гнедке.

Показал Гавлий, как надо пахать, и ушел. Приходит через час и диву дался. Телепень на поручни у сохи доску приладил, вожжами укрепил и навалил он на эту доску камней пудов пять, впрягся сам в соху и пашет, а Гнедко под кустиком привязан стоит, травку жует. Захотел мужик Гавлий, руками всплеснул:

- Ах ты, дурень, дурень! Что ты творишь?!

А дурень весь как есть взмок, и пот у него с бритой головы в три ручья льет.

- Я, добри чиловек, мала-мала пахал... Добри чиловек... Гнедко пушай отдохнет... а я за него пахал... Добри чиловек!

Хохотал, хохотал мужик Гавлий.

- Ну! - говорит, - башкирское чучело. Давай вместе пахать. Ведь ты все равно, что скот. А? И начал Гавлий пахать на Телепне, сбросил камни, взялся за поручни.

- Ну! ну! пошла, башкирска чучела!

И пошел Телепень пахать. Пахали, пахали, до полдень чуть не полдесятины вспахали. Вот так "башкирское чучело"!

И с этих самых пор Телепень каждую весну и лето вперемежку с Гнедком, вместе с Гавлием и пахал, и орал, и боронил поля Ипата Исаича.

Сам барин и барыня и все соседи ближние и дальние приходили и приезжали, ахали и дивовались, как мужик Гавлий на "башкирском чучеле" землю пашет.

Один раз, осенью, заставили Телепня навоз убирать, на поле вывозить. Он не только навоз весь счистил, но и землю под ним до самого сухого места всю выскреб и все на поле свозил. Приходит Эпихашка: где коровы? где барашки? чуть из земли видны. Глядь! Они в яме стоят. Во всю длину сарая Телепень вырыл под ними громадную яму.

- Ах ты, дурень, дурень! - накинулась на него Эпихашка. - Хоть бы догадался, дурень, нам к избе навозу навозить. Стены бы прикрыл. Все зимой, чай, теплей бы было... А он, глякось, и навоз, и землю, все на поле стащил.

- Лядна! - говорит Телепень.

Просыпается на другой день Эпихашка.

- Что это, батюшки, на кухне-то как темно!.. Петухи давным-давно пропели, а свету нет как нет.

Вышла на двор и руками всплеснула.

Телепень всю избу и окна навозом закрыл. Целых два воза на себе с поля притащил и укутал всю избу.

- Ах ты, бритая башка! Как же мы будем жить-то целую зиму впотьмах.

- Зачем впотьмах... нет впотьмах... Ти, душа моя... лючина жги... светле будет.

- Тьфу! окаянный.

И заставила Эпихашка Телепня навоз очищать, окна мыть. Только с первого же раза, как принялся он мыть окна с усердием, так два стекла чистехонько высадил.

III

Когда Иван Иванович и Ипат Исаич были еще друзья, то Иван Иванович нередко потешался над силой Телепня.

- Ну! Телепень, разогни подкову.

- Лядна.

И сейчас притащит подкову. Телепень возьмется за нее обеими ручищами, и подкова затрещит и хрястнет пополам.

Притащат другую подкову. Телепень возьмет ее в лапу, так что и подковы самой почти не видно, нажмет, и подкова хрустнет.

- Эка силища! - дивятся все.

В прежнее время, когда дружно жили друзья, то почитай каждый вечер или Иван Иваныч сидит у Ипата Исаича, или он у Ивана Иваныча. Праздники непременно вместе. Рождество, Новый год, Пасху всенепременно Иван Иваныч встречал и провожал у Туготыпкиных. Иногда и ночует и живет по целым неделям. И, действительно, что ему было делать дома одинокому? Одурь возьмет. Походит, походит по залам, посвистит, и в восьмом часу вечера, вместе с птицами, заляжет спать.

У Ипата Исаича для Ивана Иваныча была даже особая горенка, угловая, с большим окном прямо в сад. А сад был большой у Ипата Исаича. В нем и яблони, и груши, и большие клены татарские и липы древние шатрами раскинулись. И за всем за этим вдали видны ковыльные степи башкирские.

Но больше всего привлекала Ивана Иваныча в семью к Ипат Исаичу пятилетняя Анюша. Напоминала она ему его собственную Анюшу, а с ней и семью и все, что потерял человек. Тихо, пусто, мрачно стало все в душе Ивана Иваныча после смерти его девочки, точно в

темном гробу у бобыля-покойника. И если бы другое время случилась такая оказия, что Ипат Исаич обидел отказом в подарке, на который друг закадышный напрашивался, то все бы обошлось смехом да шуткой - а тут, на-поди, и разошлось, и расстроилось.

Как началось дело, как получил Ипат Исаич первый вызов от уездного бузулукского суда, так он глазам не верил, а с Марфой Парфеновной чуть даже удар не сделался. Съездил Ипат Исаич в Бузулук и узнал, что почти вся его вотчина к соседу отошла, "так, мол, суд решил; можете, мол, подавать на апелляцию".

Пробовал Ипат Исаич и на апелляцию подавать и даже сам в Оренбург съездил, но ничего у него не вышло.

Тяжелое было это время для Ипат Исаича. И похудел, и поседел он, и даже думал Телепня на все четыре стороны отпустить, но Марфа Парфеновна упростила.

- Оставь, Ипаша, что в самом деле, есть еще кусок хлеба, с голоду не помрем, а парню деваться некуда.

Пережил этот лихой год Ипат Исаич с семьей и потихоньку помирился с своей участью.

IV

Прошел после этого еще год. Ипат Исаич и вся семья и все домашние совсем вошли в колею новой жизни и всю беду забыли.

- Мама! - спрашивает иногда Нюша. - А когда к нам опять придет дядя Иваша?

- Никогда, Нюша, не придет, никогда, моя ясочка бисерная. Дядя Иваша злой. Он у нас всю землю оттягал. Никогда он не придет.

- Нет! он добрый, и надо ему только сказать, мамочка. И я ему скажу. И он всю землю нам опять отдаст.

- Да! Как бы не отдал, держи карман!

- Отдаст!

- Не отдаст, конопляночка!

- Нет! отдаст, мамочик.

И Нюша твердо была уверена, что дядя Иваша отдаст им опять землю. Да и как же было ей не верить в силу своего слова, когда дядя Иваша, в угоду ей, сам, бывало, превращался в дитя малое. Он с ней в куклы играет. Он ее на четвереньках возит. Он ее по всему саду на тележке катает. Бежит на своих длинных ногах, точно журавль, а Ипат Исаич на балконе стоит - помирает - хохочет.

У Нюши полон угол игрушек, и все ей дядя Иваша подарил, - кукол нарядных, лошадок всяких, баранов, козлов, медведей, гусей, петухов... чего хочешь, того просишь. Как же ей было не верить, что он и землю назад отдаст? "Он только пошутил, - думает она, - а папа с мамой думают, что он и взаправду отнял".

Рождественским постом вдруг узнает Ипат Исаич из Бузулука, что на него опять иск подан. Был у него один сват и старый приятель в судейском приказе, которому он к каждому большому празднику посылал кур, индюков, гусей и тушу свиную. "Должен известить я вас, сватушка, - писал приятель, - что снова на вас взводят неприятности. Опять ваш злодей на вас поднялся и просьбу подал о том, будто ваша усадьба на его дедовской вотчине выстроена, и планы и свидетелей тому представил. А за куры и индюки и протчую живность низко кланяюсь моему сватушке и милостивой государыне Марфе Парфеновне"...

Не дочитал до конца Ипат Исаич. Кровь у него в голову ударила, потемнело в глазах. Послали в ближнее село к богатому помещику Криленкову за цирульником и кровь метнули. Целый вечер все в доме ахали, да вздыхали, даже Нюша плакала и почти совсем решила, что "дядя Ивашка злой, волк ненасытый!"

А Рождество между тем приближалось. До Христова праздника оставалось всего пять дней.

V

Приходит Нюша вечером к Марфе Парфеновне.

- Мамочка! - говорит, - ведь дядя Иваша рассердился за то, что папа ему барана не подарил.

- Кто это тебе сказал?! - допросила Марфа Парфеновна.

- Мне Эпихашка это сказала... Ну! слушай, мамочка... Пусть папа этого барана ему отдаст, а от меня вот ему еще барана. И она отдала картонного барана без рогов и в лоскутки его обернула.

- Ладно! - говорит Марфа Парфеновна в раздумьи, взяла и положила барана на подоконник, а сама думает:

- Разве и взаправду послать ему этого поганого барана, авось, смилостивится... Ужели у него, прости господи, души человеческой нет!!.

Пошла она к Ипату Исаичу. Долго они тихохонько шушукались, что решили - неизвестно, но после этого через два дня принялся Ипат Исаич письмо строчить.

Нашли лоскут синей бумаги. В чернильнице, вместо чернил, мухи оказались: подлили в нее горяченькой водицы, и получился бурый экстрактец. И вот этим экстрактцем Ипат Исаич настроил письмо к соседушке. Целый день писал, - даже голова разболелась - и написал он следующее:

"Милостивый государь мой, батюшка свет Иван Иванович, на что, государь мой, так немилосердно разгневаться изволили, что я вам в те поры барана не продал, находя оного барана себе необходимым.

Уповаем, что вы гнев свой на милость перемените, оного барана к вам с поклоном низайше кланяемся и от нас с превеликим горем препровождаем. Примите, государь милостивый, и не лишите нас крова родительского, из коего мы на мороз лютый и убожество по грехам нашим изгнаны будем, а впрочем, остаемся, государь мой, вашего здоровья верные служители Ипат Туготыпкин. Месяца Декемвриа 24 дня. Жена Марфа Парфеновна, посылая вам поклон низкий, молит вас о том же, и младенец, дщерь Анна, также вам поклон шлет и от своего младенческого сердца барана игрушечного, коего вы ей пожаловали, с усердием и любовью посылает".

Написал Письмо Ипат Исаич, как раз в утро, в сочельник. Воском запечатал. Мороз на дворе стоит здоровый. "Кого, думает, с письмом послать? А конец не малый - двенадцать верных верст до усадьбы Ивана Иваныча. Думает: если послать мужика Гавлия или кучера Мамонта - все народ православный, хоть верхом пошлешь, а все прежде вечера не вернется, а тут праздник надо встречать. Как будто и грех христианскую душу посылать под великий Христов праздник.

И послали Телепня.

Посадили барана в мешок, а письмо положили за пазуху.

- Тащи баран к Иван... Кланяйся ему, баран отдай, письмо отдай... Понимаешь?!

- Лядна!

Снарядили, проводили, отправили.

Наступает рождественский вечер. Уже смеркаться стало. В большом доме Ивана Иваныча скучища непроходная. Ходит он по залам, на все лады зеваает, ко всякой малости придирается. Всех людей своих расшугал. Экономка отправилась в село Троицкое, к заутрене. Один как есть бобыль остался в большом доме.

Ходит он, ходит и все думает: "Погоди же, ты, друг-приятель мой Ипат Исаич! Вот тебя на праздниках, как таракана, из избы на мороз выгонят и садик твой и домишко мне достанется. Не хотел ты, друг любезный, барана мне продать, так и хата твоя и твой баран - все мне пойдет.

И от этой злой радости сердце у него трепещет и всю скуку долой гонит. Отхлынет злая радость, и вспомнит бывшее Иван Иванович.

Вспомнит он, как Ипат Исаич раз его из полыньи на Каме вытащил, от смерти лютой спас. Вспомнит он, как он за ним и день и ночь ухаживал, от постели не отходил, когда он при смерти и в горячке лежал.

А тут мерещится ему кстате и покойница жена его Люба и дочурочка Нюша и вспомнит он другую Нюшу.

Вздохнет, глубоко вздохнет Иван Иванович, и все лицо его станет грустным да кротким. Лег спать Иван Иванович, а сон не знай куда ушел. Возился, ворочался с боку на бок, переворачивался и свечку гасил, и опять зажигал, огня высекал. Все не спится и что-то чудится.

И чудится ему, что какая-то птица, не то сова, не то филин - близко тут, за амбаром так жалобно пищит. Утихнет ненадолго и опять:

- Пи-ю-ю! Пи-ю-ю! Пи-ю-ю-ю!

Что такое за оказия?! Любопытство разобрало Иван Иваныча. Встал он, накинул тулупчик, валенки натянул, подпоясался ремешком и вышел во двор.

Звездная рождественская ночь, точно морозный шатер, раскинулась над спящей землей...

VI

А в это время у Ипат Исаича в доме не спали. Эпихашка все к празднику приготовила. Кучер Мамонт, Гаврюша и даже мужик Гавлий убрались, принарядились, чистые рубахи надели, скоромным маслом волосы примазали. Везде перед образами свечки и лампадки зажгли и ждут не дождутся, когда на старинных часах Ипат Исаича стрелки полночь укажут.

А Ипат Исаич и Марфа Парфеновна не с радостью, а со страхом душевным ждут праздничка. Висит над их головами беда неминуемая, и оба ждут не дождутся, что им принесет Телепень: горе или радость?

И Гавлий, и Мамонт, и Эпихашка то и дело выбегают за ворота: идет или не идет "башкирско чучело"?

- Как же, дождешься его! - говорит Мамонт. - Давно к своим башкирам сбежал и барана стащил.

Но напрасно так они думают.

Только вошли они в избу, как немного погода: скрип, скрип, скрип под оконцами. Выскочили, бегут: что такое?

Тащит Телепень скорехонько, тащит большой мешок.

- Чего такое приволок?!

- Батюшки! Никак ему киргизских овец надавали!

- И то, с курдюками!

И все бегут за ним в горницу; ввалились, заскрипели, - морозный пар клубами валит.

- Запирайте, - кричат, - двери-то! Все комнаты выстудили.

- Ну, где киргизски овцы? Кажи, "чучело"!

Телепень еле дышит, пытит. Пар от него, что из бани. Свалил он мешок на пол.

- Сичас... добри чиловек... годи мала-мала... вязать нет будем.

Развязал, распустил мешок. Из него показалась голова Ивана Иваныча!

Все ахнули, руками всплеснули.

Телепень вытащил Иван Иваныча, в тулупчике, и барана вытащил, рядом поставил.

- Вот тебе... добри чиловек... Иван тащил и баран тащил...

- Ах ты, идол некрещеный!

- Ах ты, бухар, азиат... нехристь!

- Ах ты, баран... дерево!..

И все кинулись к Иван Иванычу. Видят, что человек совсем обмерз. Слова не может сказать, только мычит, стонет и руками машет.

Повели его в угольную, уложили, шубами укутали. К рукам и ногам горячей золы приложили. Добрый стакан мятной в желудок впустили. Наконец, чаем с малиной отпоили, отпарили. Обогрелся, успокоился, уснул, наконец, Иван Иваныч.

Позвал Ипат Исаич остолопа башкирского. Насилу добудились его.

- Ах ты, богомерзкий истукан! Сказывай, зачем ты его притащил!.. Да не кричи! ни! ни!..

- Дюша моя!.. Сама говорил... Слушай Телепень: баран тащи, Иван тащи... Я Иван тащил, баран тащил... Чтoб тебе, дюша, весело был... Зачем бранишь?!

- Где же ты Ивана взял?

- А сам, дюша моя, ко мне пришел. Я его мала-мала манил... Угой (совой) кричал... Он ко мне шел... Я его маненька взял и мешкам клал.

- Зачем же я тебя, болвана сиволапого, с бараном-то послал?..

- А я думал... добри чиловек... Чтoб Иван один не скушна был... туда ему баран клал... Иван сидит, сидит... пищит мала-мала... Я говорю ему годи... добри чиловек... у тебя баран есть... Баран сидит, сидит... кричит мала-мала... Я ему говорю... годи, баран, у тебя Иван есть...

- А письмо-то куда дел?

- Вот, дюша моя, и письмо... Нигде не ронял... Назад тащил... На его!

И вытащил Телепень письмо, смятое, размокшее от поту, и подал его Ипат Исаичу. Прогнали спать Телепня; ахали, охали, дивовались, шептались и даже смеялись втихомолку и, наконец, все тоже спать полегли.

На другой день поднялись, когда уже ранняя обедня отошла.

Проснулся и Иван Иванович, стал соображать, как он здесь очутился и как ему поступить в этом случае.

Должно заметить, что вчера он крепко перетрусил, когда Телепень сгреб его и засадил в мешок. Он думал, что его, раба божья, сейчас же притащат к проруби и бух, прямо в озеро. А утром очень уж обидно казалось ему, что его, как барана, насильно притащили. В угловой комнате было тепло, приятно, на дворе солнышко светило, в углу перед образом тихим огоньком лампадочка теплилась. Хорошо было, отрадно; а досада и злоба все-таки нет-нет да и наплывут, накроют сердце темной тучей. И совсем уже он был готов рассердиться и потемнеть, как в это самое время дверь тихонько отворилась, вбежала Нюша и прямехонько бросилась к нему на шею.

- Здравствуй, дядя Иваша! Вот тебе мой баран. Я тебе его вчера послала, да дурень Телепень в мешок его положил... Слушай, дядя Иваша, ты моего папу, маму не обижай!.. Стыдно, грех тебе будет... Нас... нас... всех выгонят на улицу... жить нам негде будет... - и она расплакалась.

А дядя Иваша взял ее на руки и начал целовать. И Нюша плачет, и дядя Иван плачет. И так ему легко, хорошо стало. Точно все прошло, и ничего не было, и старое опять вернулось во всей его старой прелести.

Вошли тихохонько Ипат Исаич и Марфа Парфеновна, вошли, оба молча низехонько поклонились.

А дядя Иваша подозвал их обоих, обнял и расцеловал.

И снова отдал Иван Иванович, возвратил все, что оттягивал, и даже от собственной землицы степной целый клин подарил.

- Вот, мамочка, видишь, - говорит Нюша. - Я говорила тебе, что дядя Иваша только пошутил и все назад отдаст.

А вечером пришел Телепень и поклонился Ипат Исаичу.

- Прощай!.. добри чиловек... домой иду.

- Как! Зачем? куда!.. домой...

- Ты меня все бранишь... Я тебе баран тащил... Иван тащил... а ты все бранишь...

И как ни уговаривали Телепня, - не остался.

- Да ты хоть подожди до утра, дурень! Куда, на ночь глядя, пойдешь?! Замерзнешь дорогой!

Но не остался Телепень и до утра. Ушел в свои края вольные, на простор лугов и ковыльных степей.